

Институциональное доверие: механизмы формирования и динамика (на примере развития доверия к международной негосударственной системе лесной сертификации)

С.А. ТУЛАЕВА

В статье рассматриваются проблемы формирования доверия к международной системе лесной сертификации, продвигаемой транснациональными неправительственными организациями (НПО). Суть данной системы – в повышении экологической и социальной ответственности лесопромышленных компаний через предоставление им дополнительных конкурентных преимуществ на мировом рынке. Исследование демонстрирует, что на международном уровне на степень доверия к данной системе влияют особенности ее структуры управления и организации процесса сертификации, а также экспертная деятельность ряда транснациональных НПО и сертификационных органов. В то же время на локальном уровне доверие к новой системе в большей степени выстраивается на основе персонализированных отношений местного сообщества с сертифицированной компанией. При этом первоначальной основой этого процесса является рациональная заинтересованность местного сообщества в новых возможностях и ресурсах, предоставляемых системой. В то же время, используя новые права, жители постепенно начинают принимать новые правила и ценности. Это ведет к дальнейшему развитию институционального доверия и его трансформации из инструментального в социальное, основанное на общих, разделяемых ценностях.

Ключевые слова: институциональное доверие, FSC сертификация, НПО, местные сообщества

Введение

Доверие выступает одним из базовых элементов, делающих возможным рыночный обмен, поскольку любая продолжительная во времени транзакция требует веры в различного рода обещания [Олейник 2003, с. 34]. В условиях постоянного усложнения и дифференциации рыночных транзакций в глобальном обществе возникает все большая потребность в дальнейшем развитии институтов, направленных на формирование доверия на рынке между производителями и потребителями. Такими институтами, например, можно считать различные системы оценивания качества производимой продукции, которые обеспечивают покупателям некоторую уверенность в качестве приобретаемого товара и снижение рисков, связанных с возможной недобросовестностью его производителей. Для российского общества

эта тема сейчас является особенно актуальной в связи с переходом от ГОСТов к техническим регламентам.

В России гарантом качества выпускаемого товара служили ГОСТы – государственные стандарты, разработанные еще в СССР. В 2003 г. вступил в силу закон, согласно которому они должны быть постепенно заменены техническими регламентами и добровольными стандартами. В соответствии с новыми правилами государство оставляет за собой право определять и контролировать нормы безопасности производства продукции, ее хранения, перевозки и реализации. В то же время технологии изготовления, методы их разработки, компоненты, из которых производится продукция, теперь выбирают сами компании¹. Добровольные стандарты разрабатываются Федеральным агентством по техническому регулированию, а частью – на внутрикорпоративной основе самими компаниями, при этом их соблюдение является добровольным. Таким образом, новые технические стандарты содержат в себе меньше обязательных критериев к исполнению, чем их предшественники. Их введение способствует передаче части регулирующих полномочий от государственных органов власти самим компаниям, которые получают больше возможностей для выбора своей стратегии поведения на рынке. Потребность в переходе к новой системе технического регулирования представители государственных органов власти объясняют устареванием прежних технических параметров, интенсивным развитием рыночных отношений, международных торговых связей и необходимостью в связи с этим соответствовать стандартам Всемирной Торговой Организации².

Процессы, проистекающие в России, отчасти перекликаются с процессами, происходящими во всем мире и связанными с уменьшением регулирующей роли национальных правительств в рыночных процессах. Последнее обусловлено интенсивным развитием глобального рынка и деятельностью транснациональных корпораций. Снижение роли государственного регулирования на мировом рынке создает интенции для развития новых форм регулирования деятельности компаний, где активную роль играют транснациональные неправительственные организации (НПО), выступившие дизайнерами негосударственных систем сертификации. НПО, стремясь уменьшить негативные экологические и социальные последствия деятельности корпораций, разработали стандарты производства товаров в виде определенных этических кодов и сертификационных систем, на основании которых на рынке происходит маркировка производителей как социально ответственных [Cashore 2002]. Важно отметить, что данные системы направлены не на повышение качества производимой продукции, а на улучшение условий производства и уменьшение негативных экологических и социальных эффектов от деятельности компаний [O'Rourke 2005]. Корпорации, опасаясь проведения против них потребительских бойкотов, вынуждены были заключать партнерства с НПО и идти на сертификацию своей продукции. Но в то же

---

¹ Федеральный закон о техническом регулировании от 27.12.2002 № 184 ФЗ / <http://www.consultant.ru/> / Официальный сайт Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии / www.gost.ru

² Концепция развития национальной системы стандартизации / Официальный сайт Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии / www.gost.ru

время они стали использовать полученный сертификат с выгодой для себя, как дополнительное преимущество, повышающее конкурентоспособность их предприятий [Bartley 2007; Conroy 2000]. Таким образом, сертификационные системы, продвигаемые НПО, стали дополнительным товарным знаком, включающим в себя такие характеристики как соблюдение социальных гарантий для рабочих, местного населения, отсутствие вреда для окружающей среды. Все это способствовало увеличению доверия к деятельности компаний как со стороны их партнеров, так и со стороны потребителей³.

Новые институты регулирования были созданы в лесной, текстильной, морской, сельскохозяйственной отраслях. Наиболее широкое распространение эти процессы получили в лесопромышленном секторе. К 1993 г. относится создание первой международной системы лесной сертификации по системе Лесного Попечительского Совета (FSC – *Forest Stewardship Council*). Лесная сертификация представляет собой систему стандартов, регулирующую коммерческое использование леса и ориентированную на улучшение экологических и социальных практик лесопользования. Она включает в себя внедрение комплекса экологических и социальных мер, предлагая взамен дополнительные рыночные преимущества⁴.

Ориентация российской лесной отрасли на экспорт и, соответственно, на международные стандарты способствовала интенсивному распространению FSC в России. К 2007 г. Россия вышла на второе место по площади сертифицированных по системе FSC лесов, уступая в этом только Канаде. Общая площадь сертифицированных земель в России на начало 2009 г. составила 23 млн га⁵. Внедрение инноваций, предлагаемых новой системой, привело к изменению практик лесопользования на локальном уровне, при этом эффективность этих изменений во многом определялась стратегиями компаний и НПО по внедрению новой системы, которые выступали своего рода «фильтрами», транслируя новые правила в большем или меньшем объеме [Тулаева 2009]. В то же время важным являлась и готовность сообщества принять и использовать новую систему. В этой связи важно понимать, как развивалось в сообществе доверие к новым институтам.

Институциональное доверие

Под институциональным доверием понимают механизм согласования ожиданий индивида в отношении различных институтов, в которые он включен [Дубин 2008, с. 27]. Его интенсивное распространение характерно для современных обществ и связано, во-первых, с наличием в обществе символических систем, т.е. возможностью соотносить какие-то действия и смыслы с конвенционально закрепленными символами (например, использование цветных бумажек в качестве эквивалента

³ EU market conditions for verified legal and verified legal and sustainable wood products. Timber Trade Federation, 2009 / www.fsc.org

⁴ Официальный сайт Лесного Попечительского Совета / www.fsc.ru

⁵ Официальный сайт Лесного Попечительского Совета / www.fsc.ru

товаров), и, во-вторых, с развитием профессионального и технического знания, его постоянно возрастающей специализацией и распространением процедуры экспертизы. Именно эксперты являются третьей стороной, которой мы делегируем свои полномочия по контролю над выполнением той или иной деятельности. Наконец, еще одним фактором, усиливающим действие двух предыдущих, являются идущие в обществе процессы стандартизации [Giddens 1990].

Существует два основных концептуальных подхода, в русле которых может рассматриваться доверие в целом и институциональное доверие в частности. Согласно Э. Гидденсу, доверие тождественно «слепой вере», т.е. институциональное доверие – это вера в символические знаки и экспертные системы [Giddens 1990, p. 32–33]. Н. Луман придерживается более функционалистской интерпретации, согласно которой доверие служит инструментом, снижающим наши риски, и в большей степени является рациональным свойством системы. По его мнению, доверие к системе – это скорее уверенность в ее устойчивости и эффективности [Luhmann 1979, p. 66].

Возможно, что доверие системам, также как и межличностное доверие существует в континууме между верой и уверенностью, и особенности его развития обусловлены определенным контекстом [Веселов 2004, с. 21]. Так, Тайлер, анализируя доверие к государственной системе управления, выделяет два типа доверия: инструментальное и социальное. Первое, согласно его точке зрения, связано со снижением рисков и издержек для действующих акторов. В этом случае важны ожидания акторов, в соответствии с которыми вознаграждается желаемое поведение. Социальное доверие базируется на общих разделяемых ценностях и идентичностях; его формирование требует создания и поддержания некоего доверительного сообщества. При этом Тайлер подчеркивает, что оба типа доверия могут сосуществовать во времени и пространстве [Tyler 1998, p. 287–288].

Очевидно, что люди доверяют тому, что сходно с их собственными убеждениями и представлениями, кажется им регулярным и устойчивым. Как же институт может сигнализировать нам о своей эффективности, справедливости и надежности? Этому служат контролирующие механизмы, прозрачность института, возможности широкого участия, универсализм его основополагающих принципов, компетентность его агентов и пр. [Levi 1998, p. 90–92]. Можно выделить три основных компонента, важных для формирования институционального доверия: принятие ценностей, конституирующих данный институт, особенности его дизайна и межличностное доверие агентам, выступающим от имени института [Дубин, Гудков 2003; Levi 1998; Tyler 1998]. Особенности дизайна самого института включают в себя механизмы отбора своих агентов и последующего контроля над их деятельностью, открытость внешним наблюдателям и пр. При этом структура института может стимулировать поведение своих агентов таким образом, чтобы их деятельность была направлена на достижение коллективной пользы, или, наоборот, на получение личной выгоды. Т.е. когда граждане говорят, что доверяют этой системе, то это подразумевает, что в целом все ее агенты достойны доверия [Levi 1998, p. 93]. Создание таких институциональных механизмов, направленных на повышение надежности института и регулирование тех, кому делегируют свои полномочия, ведет к складыванию цепочек контроля, состоящих из принципалов, их

агентов и агентов агентов, т.е. тому, что С. Шапиро назвала «социальным контролем безличного доверия» [*Shapiro* 1987, p. 642, 653].

Мы видим, что, несмотря на то, что институциональное доверие в чем-то работает аналогичным межличностному доверию образом, оно имеет свою специфику: оно не подразумевает исключение контроля как такового. Здесь, скорее, идет речь о делегировании контролирующих функций экспертам. Если межличностное доверие носит более ситуативный характер, то в случае институционального доверия представляется более оправданным говорить о доверии, как о более рациональном явлении, предполагающем наличие определенных институциональных механизмов, повышающих надежность данного института и наши возможности делегирования своих полномочий экспертам.

Развитие лесной сертификации и формирование доверия к ней в мире

Система лесной сертификации выросла из недоверия структур гражданского общества бизнесу [*McDermott*, manuscript]. Это привело к созданию негосударственного института регулирования, задачей которого являлся дополнительный контроль над деятельностью корпораций, осуществляемый сертификационными органами и НПО. Но для того чтобы новая система получила распространение, ей, в свою очередь, требовалось завоевать доверие на мировых рынках со стороны покупателей и продемонстрировать свою надежность и эффективность, в том числе и по сравнению с другими сертификационными системами.

Можно говорить о двух уровнях производства доверия к лесной сертификации: глобальном и локальном. На глобальном уровне существует доверие потребителей к логотипу FSC и тем ценностным коннотациям, которые он символизирует (сохранение биоразнообразия и девственных лесов, легальность, соблюдение прав коренных народов и местного населения). Доверие к FSC на глобальном уровне формируется благодаря деятельности экспертов, осуществляющих разработку общих стандартов устойчивого лесопользования и контроль за деятельностью компаний [*McDermott*, manuscript]. Основными экспертными группами, создающими доверие к системе на этом уровне, являются крупные международные НПО (*Greenpeace*, *WWF*) и сертификационные органы. Деятельность НПО направлена на повышение значимости в мире экологических ценностей и их включение в сертификационные стандарты. При этом сами НПО выступили основными дизайнерами данной системы в отличие, например, от некоторых других систем сертификаций, где ведущие позиции в разработке стандартов и организационной структуры принадлежали бизнесу⁶. Последнее обстоятельство часто рассматривается как стремление бизнеса ослабить сертификационные стандарты и сделать их более легкими для выполнения. В то время как FSC сертификация, созданная усилиями НПО, позиционируется на мировом

⁶ Примерами сертификационных систем, созданных при активном участии бизнеса являются национальная система лесной сертификации PEFC или морская сертификация MSC.

рынке как более строгая и, соответственно, обладающая большим кредитом доверия со стороны потребителей система⁷.

Кроме того, важным является сам дизайн системы, включающий в себя структуру управления и набор правил. Стандарт FSC содержит детально разработанный набор экономических, экологических и социальных принципов, критериев и индикаторов, по которым оценивается соответствие деятельности компании правилам устойчивого лесопользования. Экономические принципы касаются эффективного, рассчитанного на длительную перспективу лесопользования; экологические принципы требуют от лесопромышленных компаний снижения вредного воздействия на окружающую среду; социальные принципы защищают права рабочих и местного сообщества по лесопользованию⁸. При этом внедрение глобальных правил в конкретных государствах предполагает также разработку регионального и национального стандартов. Управляющими органами системы являются Международный Совет FSC и Ассамблея FSC, в которых равным образом представлены интересы бизнеса, экологических и социальных НПО⁹. Для того чтобы подтвердить свою приверженность принципам и критериям FSC, компании должны пройти процедуру аудита. Контролирующими инстанциями в этом случае выступают независимые аудиторские фирмы, которые принимают решение о выдаче сертификата и отвечают, таким образом, за качество и эффективность системы сертификации. При этом их деятельность также контролируется организацией ASI (*Accreditation Services International*), входящей в структуру FSC. Наравне с НПО, сертификационные органы являются независимой экспертной стороной, которая удостоверяет и гарантирует потребителю определенную степень социальной ответственности компании [*Малец* в печати].

В целом, структура данного института предполагает гибкость управления, максимально широкое участие в процессе заинтересованных сторон, открытость наблюдателям извне по сравнению с другими сертификационными системами¹⁰. Последние не всегда сочетают в себе экологические стандарты с социальными, возможности региональной вариативности и дополнительные механизмы контроля¹¹.

Таким образом, доверие к FSC в мире определяется несколькими составляющими: доверием к ценностям, конституирующим данный институт, доверием к структуре управления (ее прозрачности, открытости, гибкости и пр.), доверием к организации процесса сертификации (механизмы аккредитации и контроля), доверием агентам, представляющим данный институт (НПО и сертификационные органы). В то же время на локальном уровне доверие к новому институту в боль-

---

⁷ Интервью с представителем FSC инициативы в России, 2008 г.; интервью с директором Лесной программы Гринпис России, 2008 г.

⁸ Официальный сайт Лесного попечительского Совета в России / www.fsc.ru

⁹ Официальный сайт Лесного попечительского Совета / www.fsc.org

¹⁰ См. более подробно: *Птичкинов А.В.* Леса России: независимая сертификация и устойчивое управление. М.: Фонд дикой природы (WWF), 1999.

¹¹ Более подробно см. исследования, посвященные PEFC, MSC и др. сертификационным системам: *Gale F., Haward M.* Public accountability in private regulation: contrasting models of the Forest Stewardship Council and Marine Stewardship Council. 2004. Доступно на www.adelaide.edu.au/apsa/; *Levi M. and April L.* Fair Trade: A Cup at a Time? *Politics and Society*. 2003, 31.3 (2): p. 407-432; *Ponte S.* Greener than thou: The Political Economy of Fish Ecolabeling and Its Local Manifestations in South Africa / *World Development*. 2008. Volume 36, Issue 1, January, p. 159-175.

шей степени выстраивается на основе персонализированных отношений местного сообщества с сертифицированной компанией [Кулясова, Кулясов в печати; Kortelainen, Nysten-Haarala 2008, p. 151–152]. Оно зависит от стратегии компании, проводящей сертификацию, с одной стороны, и определенной исторической логики развития самого сообщества, с другой стороны.

Методология работы и описание кейсов

Исследование проводилось в 2007–2009 гг. в российских лесных поселках, находившихся на арендной территории сертифицированных предприятий. При работе использовались качественные методы исследования [Ильин 2006; Штейнберг 2009]: полуструктурированные интервью с представителями разных групп населения (местными жителями, менеджерами компаний, экспертами, активистами НПО), включенное наблюдение, анализ источников (протоколы общественных слушаний, газетные публикации, обучающие материалы по сертификации, материалы сайтов НПО, отчеты аудиторов).

Данная работа основывается на трех изученных случаях внедрения FSC сертификации в России (сертификация лесхоза в республике Коми, российского ЦБК в Карелии и филиала немецкой компании в Архангельской области). Во всех изучаемых эпизодах присутствовали пять основных групп стейкхолдеров: крупные лесопромышленные компании, местные леспромхозы, государственные органы власти, НПО, местные жители. Во всех случаях лес оставался основным источником существования для местных сообществ. Везде инициаторами внедрения лесной сертификации являлись внешние по отношению к местным сообществам организации (холдинги или НПО).

В первом случае сертификация была инициирована транснациональным НПО «Всемирный Фонд дикой природы» и его региональным отделением «Серебряная тайга», превратившимся впоследствии в самостоятельную организацию. Его основной целью было построение модельного леса, на территории которого могли бы разрабатываться и внедряться наиболее передовые практики лесопользования. В рамках данного проекта была проведена сертификация одного из лесхозов. Основным партнером по внедрению сертификации здесь стали государственные структуры как на республиканском, так и на местном уровне. Кроме того, развитие сертификации было поддержано филиалом крупной международной корпорации, работающей в республике и являющейся монополистом по переработке низкосортной древесины, что помогло создать экономическую заинтересованность в сертификации у местных лесозаготовительных компаний (проект осуществлялся с 1998 по 2006 гг. на средства швейцарского агентства развития). Для популяризации идеи устойчивого лесопользования среди местного населения экспертами проводилась программа малых грантов, направленная на поддержку местных инициатив, связанных с лесом. В целом данный случай сертификации не является типичным примером, поскольку он был частью более крупного проекта построения модельного леса и опирался на его финансовую и организационную поддержку.

Другие изучаемые сертифицированные компании ставили своей целью в первую очередь достижение экономического эффекта от проведения сертификации и укрепления своих позиций на западных рынках. Они имели значительно меньше ресурсов и проводили сертификацию в более короткие сроки. Совместно с экологами проводилось обучение работников предприятия и представителей государственных органов власти, выделялись из рубок девственные леса, составлялись методические пособия по сохранению биоразнообразия. Совместно с социальными экспертами руководство предприятия проводило консультации с населением, была открыта небольшая программа малых грантов и начато создание модельного леса для разработки и внедрения экономически эффективных и экологически безопасных методов лесопользования.

Наконец, сертификация немецкой компании имела более узкий ареол влияния. Это был один из первых случаев сертификации в России, когда практически отсутствовала сертификационная инфраструктура. Первоначально сертификат носил формальный характер, но постепенно, благодаря контролю со стороны НПО и экспертов FSC, произошли улучшения в лесном менеджменте предприятия относительно проведения выборочных рубок, сохранения девственных лесов и биоразнообразия. Однако после смены собственника и ухода немецкой компании, все сделанные успехи были забыты.

Общее описание контекста

Большинство изучаемых поселков было основано в советское время в связи с созданием лесозаготовительных предприятий (леспромхозов). Часть поселков существовала издавна и была переориентирована на лесопромышленную деятельность. Леспромхозы являлись поселкообразующими предприятиями, которые содержали всю инфраструктуру поселков. При этом важным условием функционирования такой структуры было существование плановой экономики и командных методов управления, позволявших за счет государственных субсидий и перераспределения доходов между отраслями поддерживать доходность лесозаготовительных предприятий. Перестроечные трансформации и спад лесопромышленного производства в 90-е гг. привели леспромхозы к банкротству. Монопромышленная ориентация поселков усугубила создавшуюся ситуацию и привела, вслед за разорением леспромхозов, к разрушению всей инфраструктуры в поселках.

Переход к рыночным отношениям для большинства леспромхозов сопровождался в разное время чередой банкротств и сменой собственника. В некоторых случаях процесс банкротства предприятия и его переход к новому статусу был сопряжен с прямыми столкновениями между местными жителями и новыми претендентами на предприятие; в каких-то случаях предприятия смогли более мягко пережить перестроечные трансформации, избежав длительных задержек зарплаты и частой смены собственников. Многие леспромхозы в итоге были куплены крупными лесоперерабатывающими компаниями. С одной стороны, приход нового хозяина воспринимался в поселке как экономическая необходимость: «*самому*

леспромхозу не выжить». Но в то же время это сопровождалось обидой и недовольством, поскольку это не всегда влекло улучшение и стабилизацию положения жителей: *«Купили наши акции за бесценок и все дела. А то они сказали, что вообще ничего не получите. Вот мы все акции, что у нас были, и продавали им»*¹².

Несмотря на постепенное восстановление лесопромышленных предприятий во второй половине 90-х гг., лесные поселки не смогли вернуться к прежнему уровню жизни. При том, что лесозаготовительные компании, как и в советское время, продолжают оставаться смыслообразующими ядрами для сообщества (*«все сегодня держится на предприятии, вся сфера обслуживания, школа, торговля. Все ждут, когда в леспромхозе заработная плата, в магазине к этому времени товары подвезут»*¹³), поддерживать лесные поселки в таком же объеме, как это существовало в советское время, в условиях рынка предприятия не могут. Работа на лесозаготовках, приносившая раньше хорошие заработки, теперь в значительной степени утратила престиж в глазах жителей (*«над лесовиками только смеются»*), поскольку на сборе ягод и грибов в летнее время население может заработать больше. Основная часть жилого фонда, строившаяся как временная для приезжавших на заработки рабочих и рассчитанная на 15–20 лет, к настоящему времени окончательно пришла в упадок. Большая часть инфраструктуры, существовавшей в советское время, разрушилась: закрылись многие школы, больницы, детские сады. Часть жителей спилась, часть (в основном, молодежь) постаралась уехать: *«Ну, парни есть, а девочки уезжают, обратно не возвращаются, там их подбирает кто-то»*¹⁴.

Тяжесть перестроечной трансформации и резкое ухудшение жизни в лесных поселках вызвало общее негативное изменение отношений внутри сообщества и увеличение разобщенности: *«А самые умные уже давно спились и умерли, вот в таких деревнях... Когда это было бы видано, чтобы в леспромхозе человек умер, и за гробом идет два или три человека? Да ведь всем поселком всегда выходили. А сейчас умер, да и бог с ним»*¹⁵. Вместе с ослаблением связей внутри сообщества уменьшились его способности к кооперации и каким-то совместным действиям.

Важно отметить, что, несмотря на все вышеперечисленные негативные тенденции, во многих поселках предпринимаются попытки каким-то образом исправить ситуацию, развить альтернативные лесозаготовкам виды занятости. В основном, это связано со сбором грибов и ягод на продажу, организацией небольших производств по их переработке, открытием частных пилорам, строительством карьеров для добычи стройматериалов, развитием туризма.

Таким образом, перестроечные трансформации, экономический упадок, разрушение инфраструктуры и вызванное этим разложение социальных отношений привели к формированию в лесных поселках среды с высоким уровнем недоверия. Внедрение нового института лесной сертификации в таких условиях было встречено общим скептицизмом. Можно выделить три основных этапа формирования доверия к новому институту:

¹² Интервью с мастером по лесу, 2008 г.

¹³ Интервью с жителем поселка В-й, 2008 г.

¹⁴ Интервью с рабочим лесозаготовительного предприятия, 2008 г.

¹⁵ Интервью с жителем лесного поселка, 2008 г.

1) этап первичного знакомства с новой системой, связанный с оценением сообществом ее потенциала;

2) этап непосредственного внедрения системы, в процессе которого сообщество учится пользоваться полученными правами и ресурсами и одновременно происходит принятие сообществом новых правил и ценностей;

3) этап соотнесения продекларированных принципов и ценностей с реализованными на практике.

При этом важно подразделять местных жителей на две категории: работников леспромхоза и простых жителей. Для первой категории внедрение новых правил происходило в принудительном порядке через административные рычаги и механизмы контроля. В то же время для остальной части населения включение в процесс было добровольным, и оно могло участвовать в нем или остаться в стороне.

Первое знакомство

Применительно к первому этапу мне представляется продуктивным, вслед за Б.В. Дубиным и Л.Д. Гудковым, выделить несколько основных аспектов формирования доверия, связанных с предварительным оценением нового института местными жителями [Дубин, Гудков 2003].

Во-первых, это доверие к самим ценностям, конституирующим новый институт. С одной стороны, в целом они во многом перекликаются с традиционными нормами местных сообществ: это забота о природе, социальная ответственность предприятия перед жителями поселка, социальные гарантии для рабочих. С другой стороны, некоторая их часть входит в противоречие с существующими ценностями. Так, изучаемое поле характеризуется низкой степенью проблематизации экологических вопросов и приоритетом экономической эффективности работы предприятия: *«Природу охраняют, а о нас кто позаботится. Мы что не живые, что ли?»*¹⁶. Например, выведение из рубок малонарушенных лесов, влекущее за собой экономический ущерб для компании, для многих представляется неоправданным: *«Это в Москве говорят о девственных лесах... А здесь мужики думают, что, если лес здесь рубить не будут, то можно прямо сейчас сесть на землю и умирать»*¹⁷. Кроме того, лесная сертификация предлагает формализованные демократические процедуры решения вопросов лесопользования. Население, привыкшее к неформальным путям решения возникающих проблем через социальные связи, не верит в их действенность и не готово ими воспользоваться: *«Эти слушания запланированные все, при сельском совете-то. Население роли не играет»*¹⁸.

Во-вторых, важно доверие к организациям, которые внедряют или поддерживают новый институт. В изучаемых случаях основная инициатива исходила от холдингов, купивших местные леспромхозы, а также от НПО. И те, и другие являлись чужаками для местных сообществ и не обладали достаточным кредитом доверия:

---

¹⁶ Интервью с рабочим леспромхоза, пос. М-й, 2008 г.

¹⁷ Интервью с менеджером лесопромышленной компании, 2007 г.

¹⁸ Интервью с работником лесничества, 2007 г.

«Очень долго пытались переубедить, что модельный лес подразумевает, что мы какие-то новые правила разрабатываем, чтобы дольше пользоваться лесом... И нас очень долго убеждали, что это не предприятие, которое лес у вас вывозит, а что-то другое»¹⁹. При этом их связь с западными организациями и фондами увеличивает недоверие. Ситуация усугубляется, если местные или областные органы власти не поддерживают новую систему: «Что-то у них такая приверженность невеликая к этой сертификации. Сам главный лесничий М-ого лесхоза говорит, такой статьи нет в Москве»²⁰. И, наоборот, участие представителей государственной власти в этом процессе способствует легитимации системы в глазах жителей и более интенсивному их участию в процессе.

В-третьих, важным является наличие персонализированного доверия к руководству сертифицирующихся компаний, которое обеспечивало бы доверие к проводимым мероприятиям. При этом смена руководства и назначение нового управляющего эту связующую ниточку разрушают: «Барбалюк был директором. Лет 30 руководил. И стабильно держал зарплату. Вот как пришло новое руководство, два года назад. Эти реформы начались... Барбалюк каждый день в лес приезжал. А сейчас руководитель... мы его в глазах его не видели»²¹.

В-четвертых, сообществом оценивается потенциальная перспектива использования ресурсов нового института для своих нужд: «Мы там тоже выступали, рассказывали про сертификацию. Но у глав сразу вопрос: ну и что, и что нам с этого будет?»²². При этом многие из опрошенных не верят в возможность применения сертификационных стандартов для улучшения своего положения: «Ну, и как вы думаете, что будет вам с этого, с сертификации? – Да, что будет, ничего не будет»²³. В-пятых, важными являются представления об издержках, связанных с внедрением института. Сертификация предполагает осуществление дополнительных требований, выполнение которых замедляет экономический эффект от работы в лесу. В-шестых, жителями рассматривается цена несоблюдения новых институциональных требований, т.е. регулярный контроль за исполнением новых правил и наказание тех, кто их нарушает. Как правило, речь идет об уплате штрафов: «Как Вы считаете, приживется у Вас здесь сертификация? – Пару раз по карману дадут, так и приживется»²⁴.

Адаптация и использование новой системы местными жителями

Второй этап формирования доверия местного сообщества к институту связан с непосредственным процессом адаптации жителями новых правил к местному контексту и попытками ее использования. Новый институт условно можно подразделить на три основных блока: экономический, экологический и социальный. Наи-

¹⁹ Интервью с экспертом НПО, 2007 г.

²⁰ Включенное наблюдение в лесном поселке, 2008 г.

²¹ Интервью с водителями лесовозов, 2008 г.

²² Интервью с менеджером холдинга, 2009 г.

²³ Интервью с рабочим леспромхоза, 2008 г.

²⁴ Интервью с инженером леспромхоза, 2008 г.

большой отклик среди местных сообществ вызвали социальные стандарты лесной сертификации, поскольку именно социальные проблемы представляются для них наиболее значимыми. При этом в разных поселках жители по-разному реагировали на внедрение лесной сертификации: от полного безверия к неполному доверию и попыткам использовать новый институт для защиты своих интересов. Далее я рассмотрю несколько случаев, когда жители пытались воспользоваться полученными правами.

П-й лесхоз, республика Коми. Благодаря опоре на ресурсы модельного леса участие населения в сертификации получило наиболее широкий размах, однако в большинстве случаев оно направлялось сверху экспертами НПО. При их активном участии представители администрации, культурных и образовательных учреждений участвовали в работе дискуссионного Лесного клуба и общественного Лесного Совета. С помощью программы малых грантов удалось привлечь библиотекарей, учителей, работников ДК к популяризации идеи лесной сертификации среди местных жителей. Они смогли получить финансирование на реализацию различных проектов, связанных с тематикой леса.

Постепенно, кропотливая работа, проводившаяся экспертами НПО, получила отклик снизу. Население, мобилизованное НПО, стало приходить на общественные слушания. В основном, требования людей касались их непосредственных нужд: обеспечения дровами, предоставления рабочих мест, поддержания в порядке дорог, выведения из аренды близких к поселку лесных кварталов, небольшой материальной помощи школам и домам культуры и других насущных проблем, зачастую не связанных с арендой лесных территорий. Тем не менее, был случай, когда жители села С-б самостоятельно выступили с требованиями прекратить рубки девственных лесов: *«Тогда люди написали главе администрации района и директору лесхоза письмо о том, что мы не хотим, чтобы этот участок девственных лесов рубили, потому что к нам приезжали ученые и сказали, какие там ценные участки»*²⁵.

В то же время, представители небольших лесозаготовительных компаний, работавшие в лесхозе, которые видели для себя в большей степени трудности, связанные с дополнительными расходами по сертификации, чем новые ресурсы, негативно отнеслись к новой системе: *«Вот этот наш сертифицированный лесхоз вместе с модельным лесом, я вам так скажу, что политика направлена на то, чтобы задушить мелкого предпринимателя»*²⁶.

С завершением проекта, инновационные культурные и образовательные программы прекратились, и участие населения пошло на убыль.

Пос. П-ы, Карелия. На арендной территории российского ЦБК наиболее активно на распространение лесной сертификации откликнулись жители пос. П-ы. Программа малых грантов, предложенная социальными экспертами FSC в процессе сертификации территории, получила здесь наибольшую поддержку со стороны сообщества и главы поселения. Впоследствии на основе П-ого участка ЦБК решено было организовать модельный лес, на территории которого разрабатывались бы и внедрялись инновационные практики лесопользования и взаимодействия с сообществом.

---

²⁵ Интервью с экспертом НПО, 2007 г.

²⁶ Интервью с руководителем небольшой лесозаготовительной компании, 2007 г.

Кроме того, местные жители пытались самостоятельно использовать права, предоставляемые сертификацией по сохранению социально значимых участков леса. Так, летом 2007 г. население выступило против рубок, проводимых предприятием. Жители были обеспокоены проведением рубок ухода в водоохранной зоне, у реки, где существовало нерестилище лососевых рыб. Население выступило с инициативой провести общественные слушания по спорному вопросу, с участием представителей компании. Среди инициаторов слушаний были сами работники предприятия (и одновременно, местные жители), глава поселения, местный депутат. На состоявшихся слушаниях жители потребовали сохранения леса у реки, обосновав это тем, что рубки на этом участке испортят одно из любимых мест отдыха, а, кроме того, негативно скажутся на местной экосистеме. Несмотря на то, что с точки зрения российского законодательства эти рубки были правомерны, руководство ЦБК приостановило их проведение: *«В принципе мы могли не учитывать. Все законы позволяли нам там делать выборочную рубку. Сомневаемся, говорят, что вы там тут красиво вырубите. Мы тут охотимся, рыбачим и грибы собираем... Для меня было понятно для чего это. Там те же рыбаки, те же браконьеры, которые там рыбачат. Какие вы экологи, думаешь, черт возьми»*²⁷. В итоге был выработан компромиссный вариант: провести показательные рубки ухода для жителей на других участках, с тем, чтобы продемонстрировать, что такие рубки не повредят природе. А затем организовать повторное собрание с присутствием специалистов по экологии, выбранных самими жителями. На основании этого впоследствии совместно с населением принять окончательное решение о проведении рубок ухода в данном месте²⁸. Последнее постановление так и не было приведено в исполнение. Тем не менее, рубки на данном участке больше не проводились. Произошедший инцидент позволил местному сообществу осознать себя как значимого игрока, который может в некоторой степени воздействовать на предприятие.

Однако впоследствии ЦБК приостановило построение модельного леса и программу малых грантов. Консультации, поведившиеся с населением на начальном этапе сертификации, больше не осуществлялись. При этом многие из начатых мероприятий так и не были реализованы до конца.

Пос. Д-ой, Архангельская обл. В случае внедрения сертификации в Д-ом лесспромхозе мы также могли наблюдать некоторый интерес и попытки местных жителей использовать сертификат. Это было связано с конфликтом части сообщества с руководством немецкой компании, купившей лесспромхоз. Новым руководством предпринимались попытки по реорганизации не только каких-то отдельных производственных параметров, но и в целом сложившегося уклада жизни (к примеру, была начата активная борьба с существовавшим в лесспромхозе воровством, проведено ужесточение трудовой дисциплины и пр.). Это вызвало сопротивление части работников лесспромхоза. Основные претензии рабочих к немецкой компании касались заработной платы. Четыре года подряд устраивались двухнедельные забастовки перед новогодними праздниками, в связи с задержкой зарплаты на месяц. После того, как деньги выдавались, рабочие продолжали работу. *«А до этого у вас не было задержек? –*

²⁷ Интервью с руководителем производственного отдела лесопромышленной компании, 2008 г.

²⁸ Протокол общественных слушаний от 19 февраля 2009 г.

До этого – вообще зарплату не давали. По 8 месяцев не было зарплаты. Но со своими директорами мы жили тут мирно, по-старому. Уж потом профсоюз силу набрал, так ввязались в драку с немцем по-полной»²⁹. Впоследствии, когда рабочие были информированы о сертификации, они пытались использовать сертификацию как рычаг давления на компанию, для того чтобы обеспечить себе повышение зарплаты, ее регулярность, более полные социальные выплаты и пр. По словам директора немецкой компании: «Они так и ставили, что если у вас есть сертификат, вы должны платить зарплату как в Европе, пытались шантажировать сертификацией»³⁰. Представитель профсоюза пытался участвовать во встрече с аудиторами, во время которой представил аудитору требования рабочих, но это не имело никаких последствий.

Кроме того, социальные эксперты FSC, работавшие в Д-ом леспромхозе в 2004 г., также пытались урегулировать спорные вопросы, используя FSC сертификацию как переговорную площадку. Они организовали общественные слушания, в результате которых был составлен протокол, разосланный в различные инстанции. Он имел некоторый резонанс в отношении функционирования системы FSC, и была проведена проверка работы аудиторской компании. Однако в отношении существовавшего конфликта между немецкой компанией и профсоюзом это не имело последствий. В целом, как руководство компании, так и рабочие отмечают безрезультатность этой длительной «войны», а также то, что сертификация не смогла послужить урегулированию отношений с рабочими, а стала скорее ее катализатором: «Дала Вам что-нибудь сертификация? – Да что она может дать? Я так понимаю, что из-за нее можно продукцию на Западе дороже продавать. А нам зарплату не повышали»³¹.

Обсуждение результатов: динамика институционального (не)доверия к FSC на локальном уровне

Рассматривая процесс внедрения FSC-сертификации в лесных поселках, важно отметить его зависимость от способностей и возможностей местного сообщества включиться в данный процесс. Это в свою очередь определяется доверием местных жителей к новому институту и их готовностью воспроизводить новые правила на практике. Во всех случаях производство доверия к новой системе было осложнено общей нестабильностью экономического состояния поселков, и связанным с этим распадом социальных отношений и ослаблением кооперации между жителями.

На первом этапе знакомства с новым институтом местное сообщество соотносило новые правила с существующими нормами, оценивало возможности использования новых ресурсов для продвижения своих интересов, а также издержки, необходимые при его внедрении. Т.е. здесь происходило рациональное оценивание новой системы, при этом еще нельзя было говорить о существовании институционального доверия

---

²⁹ Интервью с бывшим председателем профсоюза, 2009 г.

³⁰ Интервью с руководителем компании, 2009 г.

³¹ Интервью с работником леспромхоза, 2009 г.

как такового. На этом этапе существовало, в основном, персонализированное доверие к руководству организаций (леспромхозов), которые проходили сертификацию. Как правило, оно было основано на опыте прежнего взаимодействия и представляло собой традиционное доверие своему кругу. Его наличие обеспечивало более позитивное восприятие сообществом внедряемых инноваций; и наоборот, его отсутствие вызывало настороженное отношение или даже сопротивление местных жителей.

На втором этапе, связанном с непосредственным внедрением новой системы, важным являлась адаптация новых правил к местному контексту и успешность использования сообществом новых прав, полученных при сертификации. Как правило, наибольший отклик у местных жителей получали именно социальные критерии FSC, через соблюдение которых жители могли бы получить работу, бесперебойную выплату зарплаты или ее повышение, сохранение социально значимых участков леса, обеспечение дровами, пиломатериалами, небольшую материальную помощь. Это можно считать началом зарождения инструментального доверия к FSC, основанного на поиске своего интереса в новой системе. В то же время, если издержки внедрения новой системы превышали, по мнению жителей, возможную пользу, то отношение к ней сохранялось крайне скептическое.

Одновременно с этим процессом происходило распространение новых ценностей и норм поведения, транслируемых глобальным институтом, таких как сохранение девственных лесов, биоразнообразия, привлечение населения к вопросам лесопользования и др. В некоторых случаях жители самостоятельно поднимали не только вопросы, касающиеся материальной поддержки, но и экологических проблем.

Наконец, на третьем этапе происходило оценивание реализации заявленных принципов на практике. Это укрепляло или, наоборот, разрушало зарождающееся доверие к FSC. Для российского ЦБК и немецкой компании важным был экономический эффект от получения зеленого сертификата, который позволил им занять более стабильное положение на мировых рынках. В Прилузском лесхозе экономический эффект от сертификации смогли получить лишь некоторые компании, работающие с европейскими партнерами. В то же время для самих рабочих сертифицированных предприятий экономический эффект был ощутим лишь в небольшой степени, в основном, через регулярную выдачу заработной платы. Однако ее размер не превышал зарплаты рабочих на несертифицированных предприятиях. Основные изменения, которые могли быть заметны для рабочих и местных жителей от лесной сертификации касались экологических и социальных аспектов работы лесозаготовительных компаний: нарушение почв, сохранение девственных и социально-значимых участков леса, более строгое соблюдение техники безопасности, проведение консультаций с населением по вопросам лесопользования, ликвидация свалок, обеспечение дровами.

Тем не менее, для изучаемых случаев (российский ЦБК и немецкая компания) характерно разочарование в новом институте. В отношении немецкой компании это было связано, прежде всего, с завышенными ожиданиями, которые сформировались у части жителей по отношению к сертификации. В случае российского ЦБК причиной стали общие трудности холдинга, связанные с реструктуризацией его подразделений и невозможностью проводить социальные программы, которые были заявлены в рамках сертификации. В П-ом лесхозе после завершения проекта

и окончания финансирования, местные инициативы также сократились, хотя некоторая их часть продолжила свое существование. В целом, этот случай представляет собой более успешный вариант формирования доверия к глобальной системе. В процессе внедрения сертификации там удалось создать наиболее широкое участие стейкхолдеров (государственных органов власти, крупного бизнеса, местных жителей). Однако, это стало возможным благодаря мощному финансированию из вне и многолетней работе экспертов.

Таким образом, формирование доверия к новой системе ограничено его институциональными рамками и стратегиями организаций, занимающихся его распространением. Последние обладают различными ресурсами, позволяющими им привлекать при внедрении сертификационных стандартов дополнительных экспертов, реагировать на инициативы сообщества и пр. В целом, экологическая составляющая нового института была реализована более полно, что во многом связано с более детально прописанными экологическими стандартами и более жесткими требованиями аудиторов по ним. Невозможность решить с помощью FSC важные экономические и социальные вопросы вызвала разочарование у сообщества.

Тем не менее, проявление зачатков доверия к системе в разных лесных поселках, даже находящихся на арендной территории одного и того же предприятия, было неравномерным. В каких-то поселках, жители изначально были настроены крайне скептически и не стремились участвовать в процессе, целиком не доверяя новой системе, что принято называть зоной полного недоверия. В каких-то случаях население пыталось использовать новые права, продекларированные сертификацией, что можно обозначить как зону неполного доверия FSC. В последнем случае институционализация лесной сертификации происходила более эффективно, поскольку получала поддержку «снизу».

Мне представляется возможным выделить здесь несколько важных структурных факторов, определяющих степень открытости местных сообществ инновациям извне. Во-первых, это связано с экономическим благополучием лесных поселков, обусловленных перспективой работы в них леспромхозов и близостью к административным центрам. Это влияет на поддержание и развитие инфраструктуры поселка (дорог, школ, магазинов, библиотек и пр.). Более благополучные в экономическом плане поселения, имеющие некоторые гарантии своего существования в дальнейшем, более охотно участвуют в процессе сертификации. В то время как поселки, находящиеся на грани исчезновения, более тяжело пережившие перестроечные трансформации, в большей степени ощущают свою заброшенность и ненужность, и оказываются менее отзывчивыми к новой системе. Во-вторых, это социокультурные факторы, которые связаны с наличием различных общественных и культурных организаций и инициатив внутри сообщества. Это отчасти определяет возможности жителей по кооперации и использованию ресурсов новой системы. Так, часть поселков существовала издавна и имеет свою историю и обычаи, не связанные исключительно с леспромхозом; часть поселков была основана уже в советское время непосредственно для освоения леса и не имеет таких традиций сельского сообщества. В-третьих, важным является наличие объединяющей жителей проблемы, которую они могли бы решить с помощью сертификации (где-то это может быть сокращение рабочих мест, повышение заработной платы и пр.). Различные комбинации вышеописанных факторов привели к тому,

что, несмотря на общую негативную канву трансформационного периода, в лесных поселках была по-разному воспринята новая система.

Заключение

Доверие к институту лесной сертификации определяется принятием основополагающих для этого института ценностей, особенностями его дизайна, деятельностью экспертов, межличностным доверием его агентам. Оно существует на двух уровнях: глобальном и локальном. При этом характерно, что если в случае формирования доверия к FSC на мировых рынках ключевым является экспертная деятельность, то в случае внедрения новой системы в конкретных сообществах первичным является персонализированное доверие агентам, которые занимаются ее внедрением. В этом случае эксперты НПО, являющиеся внешними по отношению к сообществу, зачастую не обладают необходимым кредитом доверия и не являются первоначально значимыми для сообщества агентами этого института. Однако, в процессе адаптации сертификационных стандартов к местным условиям, в том числе и с помощью экспертов НПО, последние могут завоевать доверие к своей деятельности, которое, затем, конвертируется в доверие системе.

Применительно к формированию доверия к FSC сертификации со стороны жителей лесных поселков мы можем говорить о существовании двух типов доверия: инструментальном и социальном. Первоначально мы встречаемся с рациональной заинтересованностью жителей в новых возможностях и ресурсах, соизмерением возможных выгод и издержек. В то же время в процессе использования жителями новых прав, полученных при сертификации, возникает некоторая система взаимозависимости: используя новые ресурсы, жители одновременно начинают принимать новые правила и ценности. Это ведет к дальнейшему развитию институционального доверия и его трансформации из инструментального в социальное, основанное на общих, разделяемых ценностях.

Важно также отметить, что доверие институту обеспечивает обращение к нему, использование его ресурсов и выполнение правил. При этом есть институты, к которым мы вынуждены обращаться вне зависимости от того, доверяем мы им или нет (например, институты здравоохранения или школьного образования). В то же время некоторые институты не предполагают такого принудительного императива. Например, негосударственная система лесоуправления содержит в себе новые права и возможности для местных жителей. Однако если они не верят в их действенность, то они и не пользуются ими. Доверие к институту в таком случае выступает конституирующим фактором, определяющим возможности его функционирования на местной почве.

Литература

- Веселов Ю.В.* Социологическая теория доверия // Экономика и социология доверия / Под ред. Ю.В. Веселова. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2004.
- Дубин Б.В.* Институты, сети, ритуалы // Pro et contra. 2008. Март-июнь.
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В.* Институциональные дефициты как проблема постсоветского общества // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 3 (65).
- Ильин В.И.* Драматургия качественного исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006.
- Кулясова А.А., Кулясов И.П.* Конструирование доверия при локализации глобального процесса лесной сертификации: роль НПО и экспертов // Журнал социологии и социальной антропологии. Спец. выпуск. В печати.
- Малец О.* Место и роль сертификационных органов в системе лесной сертификации Лесного попечительского совета // Журнал социологии и социальной антропологии. Спец. выпуск. В печати.
- Олейник А.Н.* Конституция российского рынка: согласие на основе пессимизма // Социологические исследования, 2003. № 9.
- Штейнберг И.Е., Шанин Т., Ковалев Е.М., Левинсон А.* Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб: Алетейя, 2009.
- Bartley T.* Institutional emergence in an era of globalization: the Rice of Transnational Private Regulation of Labor and Environmental Conditions// American Journal of Sociology. 2007. Vol.113.
- Cashore B.* Legitimacy and the privatization of environmental governance: how non state market-driven governance systems gain rule making authority. Governance Journal. 2002. № 15.
- Conroy M.* Can Advocacy-Led Certification Systems Transform Global Corporate Practices? Evidence, and Some Theory. Political Economy Research Institute, 2001. University of Massachusetts, Amherst. Доступно на http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=338723
- Gale F., Haward M.* Public accountability in private regulation: contrasting models of the Forest Stewardship Council and Marine Stewardship Council. 2004. Доступно на www.adelaide.edu.au/apsa/
- Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press. 1990.
- Kortelainen J., Nysten-Haarala S.* Construction of Trust in Russian Mill Towns // The Changing Governance of Renewable Natural Resources in Northwest Russia / Ed. By S. Nysten-Haarala. TJ International Ltd, Padstow, Cornwall, 2008.
- Levi M.* A state of Trust/ Trust and Governance // V. Braithwaite and M. Levi, eds. Russell Sage Foundation, New York, 1998.
- Levi M. and April L.* Fair Trade: A Cup at a Time? // Politics and Society. 2003. № 31.3 (2).
- Luhmann N.* Trust and Power. Chichester: Wiley, 1979.
- McDermott C.* Personal Trust and Trust in Abstract Systems. A study of Forest Stewardship Council-Accredited Certification in British Columbia. Manuscript.
- Misztal B.* Trust in Modern Societies. The Search for the Bases of Social Order. Polity Press 1996.
- O'Rourke D.* Market Movements. Nongovernmental Organization Strategies to Influence Global Production and Consumption.// Journal of Industrial Ecology. 2005. № 9 (1–2).
- Putnam R.* Bowling Alone. New-York: Simon & Schuster, 2002.
- Shapiro S.* The Social Control of Impersonal Trust// American Journal of Sociology. 1987. № 93 (3).
- Tyler T.* Trust and Democratic Governance // Trust and Governance / V. Braithwaite and M. Levi, eds. Russell Sage Foundation. New York, 1998.